

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.7>

Чирейкин Михаил Кимович

ЖАНРЫ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДИАХРОННОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В данной статье на примере таких малоисследованных жанров деловой письменности, как отписки, росписи, челобитные и "скаска" сибирских землепроходцев, исследуются отдельные элементы очерковой литературы XVII века, позволяющие вскрыть эстетический потенциал архивного документа. "Скаска" и отписки представлены в работе как некий инструментарий, способствующий более глубокому диахронному анализу исторического текста. Делается вывод о том, что рассматриваемый исторический материал позволяет осветить события, далекие не только от нас, но и от самих авторов этих текстов, осмыслить мировоззрение и мотивацию поступков средневекового социума.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 33-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Несмелов А. Собрание сочинений: в 2-х т. / сост. Е. Витковский, А. Колесов, Ли Мэн, В. Резвый; предисл. Е. Витковского; коммент. Е. Витковского, Ли Мэн. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. I. Стихотворения и поэмы. 560 с.
8. Панишева Н. А. Поэтика пространства и времени в лирике Арсения Несмелова: дисс. ... к. филол. н. Киров, 2013. 159 с.
9. Перелешин В. Собрание сочинений: в 3-х т. / сост., подгот. текста, коммент. В. А. Резвого. М.: Престиж Бук, 2018. Т. I. Три родины: стихотворения и поэмы / статья Ли Мэн. 608 с.
10. Царегородцева Т. И. Арсений Несмелов: поэтическая судьба в контексте переломной исторической эпохи: дисс. ... к. филол. н. Омск, 2002. 153 с.
11. Шаклеин В. М., Цуй Ливэй, Микова С. С. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. 170 с.

CHINA REALIAS IMAGE IN ARSENIY NESMELOV'S POETRY

Jia Yongning

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow
Xi'an Petroleum University, Xi'an, People's Republic of China
jianin9@yandex.ru*

The article is devoted to analysing the China realias image in Arseniy Nesmelov's poetry. The study focuses on the poems on three basic themes: nature, common man and national liberation movement. The author analyses in detail the originality of A. Nesmelov's poetical world: usage of the miniature form in combination with ekphrasis (description of a drawing in a poem) typical of the English poetry, in synthesis with artistic devices of acmeism and Esenin's colour metaphor. The researcher emphasizes the features of realism typical of A. Nesmelov's creative work in comparison with N. Gumilyov's "Chinese" poems.

Key words and phrases: China image; nature descriptions; common man's image; theme of national liberation movement; miniature form; acmeism; Esenin's tradition; A. Nesmelov; N. Gumilyov.

УДК 821.16

Дата поступления рукописи: 05.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.7>

В данной статье на примере таких малоисследованных жанров деловой письменности, как отписки, росписи, челобитные и «скаска» сибирских землепроходцев, исследуются отдельные элементы очерковой литературы XVII века, позволяющие вскрыть эстетический потенциал архивного документа. «Скаска» и отписки представлены в работе как некий инструментарий, способствующий более глубокому диахронному анализу исторического текста. Делается вывод о том, что рассматриваемый исторический материал позволяет осветить события, далекие не только от нас, но и от самих авторов этих текстов, осмыслить мировоззрение и мотивацию поступков средневекового социума.

Ключевые слова и фразы: деловая письменность; «скаска» сибирских землепроходцев; трансформация жанра; семиотические средства; русская литература XVII столетия; история Сибири.

Чирейкин Михаил Кимович, к. филол. н., доцент

*Новосибирское высшее военное командное училище Министерства обороны Российской Федерации
9437375@mail.ru*

ЖАНРЫ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII ВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДИАХРОННОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Регулярное обращение литературоведов к изучению наследия сибирских землепроходцев XVII века – явление закономерное. В целом нарратив казачьих отписок в виде огромного количества (нами просмотрено около трех тысяч) самых разнообразных и пестрых по своему назначению и функциям канцелярских деловых бумаг – писем, посланий, договорных грамот, всевозможных описей и дипломатических документов инициаторов и участников походов за Урал, – по мнению известного исследователя Н. Н. Оглоблина, представляет самый ценный и живой материал Сибирского приказа. Громадное количество отписок, «скасок» и грамот дает возможность проследить шаг за шагом, почти из года в год, жизнь Сибири за огромный период времени – с последних годов XVI века и до первой половины XVII века. Это настоящая летопись истории Сибири, более содержательная, правдивая, жизненная, чем все повествования сибирских летописцев. Но, как отмечает сам историограф, его обозрение лишь «указывает будущим исследователям материал» для анализа, не касаясь ни историко-юридической, ни литературной сторон документов [6, с. 8].

Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что впервые в научный оборот вводятся тексты отдельных «скасок» (например, «скаска» Ждана Власова с товарищами о сношениях Незговорко Григорьева с дьяволом), являющиеся ярким примером того, как в сознании человека XVII века мифологическое начало соотносится с бытовой реальностью. Впервые «скаска» сибирских землепроходцев анализируются с точки

зрения их «затекстовости», т.е. исторического контекста. При этом мы продолжаем исследовать их эстетический потенциал, их художественную составляющую, обусловленную самой природой живого разговорного языка.

Необходимо отметить, что источники, цитируемые в данной статье, являются в большей части неопубликованными, существующими в единственном экземпляре, часто плохо сохранившимися. Сегодня они находятся в различных архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, тем, что с течением времени общие взгляды на те или иные исторические события изменяются и на первый план выходят совершенно новые аспекты и положения, что порой существенно корректирует картину прошлого, трансформируя ее в нашем представлении. Помимо этого, расширяется источниковедческая база, тематические приоритеты, применяются новые методы исследования отдельных исторических событий. Переоценка ценностей диктует, соответственно, пересмотр ориентиров, которые лежат в основе исторических знаний. Подобные явления приводят к использованию новых направлений в определении источниковедческой базы, а также к пересмотру взглядов по ключевым историческим проблемам. В изучении истории Сибири XVII века к числу таких проблем относятся, на наш взгляд, исследование деловой письменности во взаимодействии с эстетическими явлениями.

При тщательном анализе и более широкой многоаспектной интерпретации текстов приказно-деловой письменности Сибирского приказа XVII века в качестве источниковедческого литературного материала обнаруживаются важные, на наш взгляд, явления, которые могут более полно осветить один из самых сложных и интересных периодов истории России – период так называемой переходной эпохи от Средневековья к Новому времени. Проблематика, отражающая противоречивость, неоднозначность и сложность данного этапа развития русской литературы, довольно глубоко и основательно изучалась и анализировалась в трудах В. П. Адриановой-Перетц [1], Д. С. Лихачева [4; 5], А. Н. Робинсона [7], Е. К. Ромодановской [8]. Исследуя самые разные проблемные вопросы литературы, вышеназванные исследователи едины в том, что при всем отличии литературы XVII века от ее древнерусского периода существует определенное родство и естественная преемственность традиций этих периодов, позволяющих рассматривать литературный процесс как единое целое и непрерывное. Изучение и анализ отдельно взятых конкретных видов деловой письменности (в нашем случае «скаска»), отписок, грамот сибирских землепроходцев) показывает, что тексты данного вида памятников деловой письменности в соотнесенности их с литературой имеют совершенно определенную генетическую структуру, обеспечивающую глубокий эстетический потенциал и социальную значимость. В текстах «скаска» сибирских землепроходцев в большой своей массе документ фактически сливается с литературным текстом и эстетическое начало предшествует интерпретации факта, а историческое описание можно уже рассматривать с позиции эстетики. Именно здесь, на наш взгляд, заложен тот потенциал, который позволяет отдельному виду очерковой литературы XVII века функционировать в качестве определенного инструментария, дающего возможность расширить культурно-историческое пространство своей эпохи не только в синхронном, но и в диахронном аспектах. В «скасках» и отписках служилых людей средства обыденного живого языка организуются особым образом, позволяя тем самым извлекать новые смыслы. Подобное явление диктуется, прежде всего, семиотикой самого искусства. При этом именно в «скасках» как представителе жанра деловой письменности наиболее ярко и отчетливо представлено различие между внутренними связями используемых смысловых знаковых систем и тем, как они функционируют, по сути рождая художественный эффект.

Оригинальность «скаска», с этой точки зрения, проявляется здесь не только в том, что природа ее генезиса («сказовость» живой речи и ее документальная письменная фиксация) непременно предполагает свои, только ей присущие специфические «художественно-эстетические» знаки и свой, только ей присущий язык, но и то, что она расширяет границы своего дискурса совершенно разными культурными кодами, тем самым усиливая потенциал их выразительных возможностей. Эстетика «скаска» заложена, прежде всего, в понимании и восприятии самой ткани текста в разные исторические эпохи и может быть проинтерпретирована в качестве соответствий и несоответствий определенных культурно-исторических концептов, с одной стороны, и некоей перцепцией – с другой. Другими словами, не всегда читатель «скаска» интерпретирует ее при помощи тех же семиотических средств, что и автор. Это связано не только с так называемой ограниченностью взгляда «из дня сегодняшнего» (сверху) практически на всякое исторически развивающееся событие или явление, появившееся достаточно глубоко во времени, но и с тем, что границы между деловой письменностью и литературой не являются раз и навсегда застывшими и неизменными.

С течением времени происходит постепенное, поэтапное раскрытие литературного потенциала творческого наследия землепроходцев, осваивавших в сложнейших условиях сибирские просторы. Вместе с освоением новых пространств менялись и качественным образом развивались новые представления о мире, природе и человеке, что и находило отражение в литературных формах, присущих своему времени. Своеобразным символом и яркой иллюстрацией подобной трансформации мировоззрения человека XVII века, эклектики его сознания может служить фронтиспис Библии 1663 года – первого издания полного свода текстов Библии в Москве, книги, часто сопровождавшей землепроходцев в их походах. На фронтисписе изображен в облаках Бог, вокруг него расположены иллюстрации сцен из Ветхого и Нового Заветов. В комплексе это выглядит как рамка декоративно-архитектурного типа. Примечательно, что в издании 1663 года сцены из библейской жизни окружают Российский герб – двуглавого орла. А на гербе вместо традиционно находившегося там Георгия Победоносца изображен царь Алексей Михайлович в образе всадника. В нижней части гравюры изображен план Москвы. При этом план, вписанный в квадратное поле, вычерчен так хорошо, рационально и качественно для своего времени, что очевидно предполагает труд многоопытного специалиста-топографа, но никак не простого старца-монаха.

Можно предположить, что сами по себе миниатюрные сцены из библейских сюжетов, обрамляющие фронтиспис, являют собой некий вторичный текст, хорошо знакомый каждому христианину и тем самым задающий некую пространственную глубину всей гравюре и позволяющий проникать в далекую древность, предлагаемую самой Библией. План же Москвы предстает здесь неким диссонансом, по сути разрушающим высокий стиль этого религиозного текста, а, стало быть, в какой-то степени и религиозного мировоззрения.

Подобным же образом непосредственно в текстах «скасок» можно найти множество подтверждений тому, как мифологическое начало тесно переплетается с реальным отражением действительности. Возьмем в качестве примера «скаску» служивого человека Онуфрия Степанова, поданную им воеводе Якутского острога Михаилу Ладыженскому. «Скаска» хранится в фондах Библиотеки Российской академии наук. По мнению подателя «скаска», снятию осады помог божий промысел – видение: «...и как сидели въ острожке въ осаде от Богдойских людей, имели казаки постъ и молитву, и въ то время явление многим древним от Всемилостивого Спаса, и от Причистыя Владычицы Богородицы нашей и Приснодевы Марии и от всехъ Святыхъ... и видякъ себе те Богдойские люди Божие посещение, и нападе на нихъ ужасъ и трепеть, и они порохъ пометали на своихъ таборахъ въ воду и верховые огненные заряды и побежали...» [2, л. 10].

А вот противоположный пример. «Скаска» Ждана Власова о сношениях некоего торгового человека по имени Незговорко Григорьев с дьяволом. Данная «скаска» впервые вводится в научный оборот. Текст этой «скаска» хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Автор данной «скаска» жалуется воеводе Петру Головину на запугивания со стороны часто пьяного торговца Незговора Григорьева спалить избу, в которой останавливались на ночлег приезжающие в Якутский острог торговцы.

«...приходитъ Незговорко въ полночи с огнем, а иногда съ углем. Не говорит де ничего. С огнем постоит в избе, да вон де выйдет... пьян к ним в избу прихаживал. А где пил, того они не знают». А потом в трапезной говорил Незговорко: «В избе де вашей не люди, беси живут, сжег бы де их с избою» [11, л. 24].

Причину такого поведения Незговорки, как называют торговца служивые люди, автор «скаска» с точки зрения рационального разума объяснить не может (и интересно, что даже не пытается связать это с пьянством), поэтому объясняет вмешательством дьявола в дела человека. Именно по дьявольскому наущению Незговорко *«по все дни ворожил бобами, да с собою де их и носил, все бобы, коими ворожит»* [Там же, л. 26].

Таким образом, в «скасках» формируются представления о переменчивости жизни, энергичности, «живости» человека, его персонификации в переходный период времени.

Затекстовая реальность «скасок» в XVII становится антропоцентричной. Географические открытия в мировой истории трудно переоценить, как трудно переоценить значение открытий сибирских просторов. Несмотря на то, что история Руси – это, по словам Ключевского, история освоения новых земель, тем не менее до XVII века в истории России не было аналогов такому широкому и стремительному их освоению. Люди, открывавшие, покорявшие и присоединившие огромные пространства «землиц незнаемых» к Русскому государству, не только обогатили его территориально, они существеннейшим образом повлияли на развитие мировоззрения своих современников за счет появляющихся в том числе качественно новых видов творчества, имеющего эстетический потенциал, за счет расширения жанровых границ деловой письменности. Небольшими отрядами (ватагами) служилые и промышленные люди все дальше и дальше устремлялись на восток, попадая при этом в места, где раньше до них не было не только русского человека, но и вообще людей. Очевидны экзотика и открытость жанра путешествий. В этом смысле особый интерес представляет «скаска» тобольского казака Ивана Реброва о назначении его атаманом за походы по сибирским рекам, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов:

«А преж меня, холопа твоего, на тех твоих, государевых тяжелых службах на Янге и на Собачье не бывал никто, проведал я, холоп твой, те дальние службы... твоим государским счастьем, под твою, государеву, царскую высокую руку привел» [10, л. 96б].

А в «скаска» боярина Петра Бекетова о назначении его казачьим головой в Енисейском остроге в награду за построение Якутского острога и походы в «новые земли» читаем такие строки: *«А преж меня на великой реке Лени никто негодовал и острогу никто нигде на Лене не стонавливал»* [Там же, л. 96в].

Веками известные на Руси жанры литературы («паломники», «странники», «хождения», «путники») в условиях XVII века получили новую жизнь. При этом, если раньше сочинительство являлось прерогативой духовенства, то в смутное время, в переходный период происходит демократизация и значительное расширение состава писателей: от мелких служащих посольских изб и приказов до казаков и беглых холопов, которые занимались «объясачиванием» инородцев в пользу государевой казны. Культура заметным образом обмирщается, выходит из-под тени церкви. Все шире и шире звучит в новых жанрах светское начало. Плоскостное изображение человека в стиле древнего иконописания отодвигается. Вполне четко прослеживаются формы осознанной профессионально-литературной обработки текстов отписок, грамот, челобитных, «скасок», многочисленных описей маршрутов к новым землям. Свидетельством этому служат многочисленные черновики с текстовой правкой.

Из посольских приказов и приказных изб выходят авторы, для которых литературное творчество является служебной обязанностью и носит явно мирской характер. Их труд формирует прагматический тип мышления. Характеры людей приобретают бытовую и социальную конкретику. Здесь показателен яркий по своему драматизму отрывок из текста «скаска» дворовой девки конного казака Василия Фирсова Арины в Итандинской приказной избе о побеге в монастырь, потому что боялась быть проданной: *«...подговаривала*

де меня бежать в монастырь итанцинского конного казака Марка Шижгутова жена именем Ирина. Веле-ла де мне бежать в монастырь. Видишь де ты што тебя продают. А уйдешь в монастырь выдачи не бу-дет. А за реку перевез де меня Марко дворовой и Лешка...» [3, л. 1].

Непокорность, способность постоять за себя, вольнолюбие, стремление к справедливости – вот качества, которые формируют характер сибиряков в тяжелейших условиях освоения сурового края и которые в даль-нейшем будут определяющими в становлении их психологии. Иллюстрацией этому служит «скаска» Луки Гундорова о выступлении служивых людей против воеводы П. П. Головина: «...*стольник и воевода Петр Петрович Головин вышел в сени и почал говорить служилым людям – для чего приходят шумом и служилых людей от наказания отымают. Из служилых людей выступати пятидесятник Мартышко Васильев почал говорить: не бей де нас, не дадим бить никою. И стольник и воевода Петр Петрович Головин хотел ево, Мартышка, зашибить рукою. И Мартышко ухватил стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди, и отпихнул от себя прочь. И тут же стоя, закрычал служивой человек Алешка Коркун: не бей де нас, не бей, не дадимся бить. И стольник де и воевода Петр Петрович Головин велел взять его Алешку Кор-куна служивым людям. И служивые люди за него, Алешку, не приметца никто. И стольник и воевода Петр Петрович Головин принялся за него, Алешку сам. И Олешка Коркун принял стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди, и поволок из сеней на крыльцо, и приволок к погору к сенному, а кличет к себе служивых людей. А служивые люди стоят на крыльце многие и тюремщики и, стоя, кричат великим шу-мом... чево де стоять, пойдём де на двор к воеводе и поемлем людей ево, и побьем...» [2, л. 11].*

Очень часто при этом авторы «скаска» пытаются настроить читателя (зачастую это государственные чи-новники) на лирическую волну сопереживания герою. Яркий пример подобного приема находим в «скаска» Курбата Иванова о промыслах моржовой кости на реке Анадырь, поданной им в Якутскую приказную избу:

«...И в прошлом во 168-м году, как на Анадыре реки лед вскрылся, с служивыми и с промышленными людьми двадцатью двумя человеки на одном коче вниз по Анадырю реке поплыл до летовья... и встретила встрешная погода, и в становье стояли 3 дни... и дождался пособной погоды, и бежали день да ночь, и набежали льды великая, и с великою нужею добились до берегу. И пришла погода с моря великая, а становья блиско нет, и у нас коч разбило, что было запасенка рыбного корму сухого, и то все помокло и оружие, и порох, и выбило совсем на берег, и судно коч с великою нужею на берег выкоротали. А лесу никакова стоячево и плав-нику нет, збирали кости китове и тем костью судно вызняли, и стояли 10 дней, почивали судно. А в то время стали походить иноземцы чюхочьи люди, и мы коч сшили и пошли вперед бечевою...» [Там же, л. 10].

Все перечисленное выше показывает, что, подобно мозаике, множество небольших мелких документов приказных изб и Посольского приказа помогают воссоздать общую картину событийно богатого XVII века. «Скаска» и отписки покорителей Сибири, представляя достоверный материал, наполняют сухие формуляры документов очень важной для последующих поколений информацией, не только детально отражающей жизнь прошлых поколений, но и задающей отдельным видам деловой письменности мощный эстетический потен-циал, не позволяющий им оставаться только лишь архивным материалом. Более того, многочисленное насле-дие сибирских землепроходцев может являться инструментарием, позволяющим посредством раскрытия опре-деленных культурно-исторических кодов проникать в глубины более отдаленного времени, что является очень важным фактором для понимания нашим современником истории своего Отечества. Являясь переходной эпо-хой, XVII век представляет собой такую культурную среду, в которой, с одной стороны, появляется и разви-вается новая данность. С другой, сохраняются в значительной степени элементы ранней, уже уходящей куль-туры, но уходящей не бесследно, оставляющей на разных уровнях, в разных проявлениях свои законы и свои традиции, свой язык, свое понимание событий. Такая преемственность и помогает нам проникать в более от-даленные эпохи. Здесь важно учитывать, что текстовая ткань «скаска», отписок, грамот и челобитных сибир-ских землепроходцев органично дополняется знанием авторами исторического контекста, тем самым напол-няясь емким внутренним содержанием. Проанализируем отрывок текста «скаска» Ивана Петрова и Бур-наша Ялычева, отправленных в поход в Китай (текст хранится в Российской национальной библиотеке):

«...а города деланы в той земли на четыре углы, а по углам башни, а у ворот своды тако же, что у рус-ских городов, а ворота городовых башни колокол медян, весом он пудов 20, а башни крыты образцами кир-пичными, а дворы в той земли кирпичные, деланы на четыре углы... Да в той же земле строят храмы клин-чатые, а стоят храмы дверми промеж востоку и полудне и на храмех крестов нет...» [9, л. 604].

Таких совершенно однообразных описаний расположения дверей и стен храмов на «восток» и «полдень», а также сопоставления с тем, как это с географической точки зрения выстроено на Руси, встречается большое количество, что фактически представляет собой определенные штампы, общие места, некий трафарет при опи-сании городов и храмов. Однако для средневекового человека эти детали несли особую нагрузку. История че-ловечества виделась ему в образе окруженного со всех сторон стенами некоего города. И здесь прослеживается четкая параллель с Ветхим и Новым заветами. Согласно библейской символике, стена, олицетворяющая исто-рию Адама, выходит на юг, восточная стена символизирует историю от Авеля до Ноя. Северная стена иллю-стрирует время от Авраама до Моисея, а западная часть связана с новой историей – рождением Христовым. Так, символическая география, мировоззренчески переносимая на реалии, отражалась в описании структуры любого храма, главный вход которого всегда был открыт на запад. Всесторонний анализ подобного текстового материала помогает выработать определенный механизм декодирования культурно-исторических периодов и глубже понять не только эстетику прошлого, но и непосредственно исторические реалии.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно утверждать, что многочисленные, разно-образные по жанровому составу тексты, составленные покорителями Сибири, не только отражают своеобразие

так называемой переходной эпохи в истории нашего Отечества, но и могут являться своеобразным проводником в более отдаленное прошлое, отражать процесс развития мировоззрения в эпоху Средневековья, расширять эстетический потенциал жанров деловой письменности. Без всестороннего изучения и широкого освещения этот богатейший исторический материал может остаться лишь архивным документом, известным только узкому кругу специалистов. Необходимо дать ему новую жизнь.

Список источников

1. Адрианова-Перетц В. П. Литература 1580-1610-х годов. Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // История русской литературы: в 3-х т. / гл. ред. Д. Д. Благой. М. – Л.: АН СССР, 1958. Т. I. Литература X-XVII веков. С. 280-315.
2. Библиотека Российской академии наук (БРАН). Ф. Якутская приказная изба. Оп. 2. Ст. № 31.
3. БРАН. Ф-96. № 179.
4. Лихачев Д. С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв. Статейные списки / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. – Л.: Наука, 1954. С. 319-346.
5. Лихачев Д. С. XVII век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии: сборник статей. М.: Наука, 1969. С. 299-328.
6. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа 1592-1768 гг.: документы воеводского управления. М.: Университетская типография; Страстной бульвар, 1895. 433 с.
7. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 407 с.
8. Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII века. Новосибирск: Наука, 1973. 172 с.
9. Российская национальная библиотека. ОСПП F IV. № 253.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. Сибирский приказ. Ст. № 134.
11. Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Ф. 160. № 34. Якутская воеводская изба.

**GENRES OF XVII-CENTURY BUSINESS WRITING
AS TOOLS FOR DIACHRONIC ANALYSIS OF HISTORICAL TEXT**

Chireikin Mikhail Kimovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Novosibirsk Higher Military Command School
9437375@mail.ru

In this article, by the example of such little-studied genres of business writing as written answers, inventories, petitions and written stories by the Siberian explorers, certain elements of the XVII-century essay literature are studied in order to reveal the aesthetic potential of the archival document. Written stories and answers are presented in the article as a kind of tools that contribute to the deeper diachronic analysis of a historical text. It is concluded that the considered historical material allows highlighting the events that are distant not only from us, but also from the authors of these texts, and comprehending the medieval society's worldview and motivation of actions.

Key words and phrases: business writing; written stories by the Siberian explorers; genre transformation; semiotic means; XVII-century Russian literature; history of Siberia.

УДК 82-312.1

Дата поступления рукописи: 04.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.8>

В статье предпринята попытка системного исследования, в котором концепция свободы личности вписана в контекст современного литературного процесса, рассмотрена с учетом национальных, ментальных, гендерных, психологических особенностей. В работе изучаются конкретные формы художественного осмысления проблемы свободы и несвободы человеческой личности, анализируется специфика использования художественных средств для создания женского национального характера в условиях несвободы в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», а кроме того, разбираются ключевые сюжетные моменты романа, в рамках которых происходит становление женского характера.

Ключевые слова и фразы: национальный характер; женский образ; Г. Яхина; проблема свободы; проблема несвободы; роман.

Чотчаева Марина Юрьевна, д. филол. н., доцент

Ключникова Ирина Владимировна

Ставропольский государственный педагогический институт
m.chotchaeva@mail.ru; kira400@yandex.ru

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)**

Одним из важнейших направлений в современном национальном литературоведении является изучение основных принципов изображения и субъектной организации художественных произведений, анализ социально-